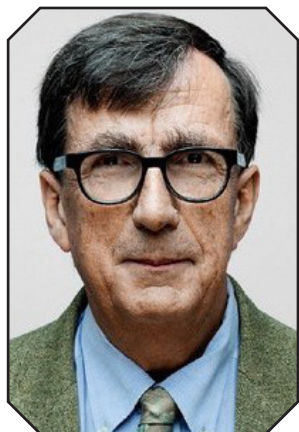

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

Б. Латур

Пересобирая социальное. Введение в акторно-сетевую теорию¹

ЛАТУР Бруно
(Latour, Bruno) — профессор Института политических исследований Sciences Po (Париж, Франция).

Email: bruno.latour@sciences-po.fr

Перевод с англ.
И. Полонской.

Научн. ред. —
В. С. Вахштайн.

В книге «Пересобирая социальное» («Reassembling the Social») представлены фундаментальные размышления Б. Латура о том, что такое общество и что значит «социальное». С точки зрения автора, понимание социального как отдельной сферы или разновидности материала более не является продуктивным для продвижения социальных наук. Понятие «социальное» требует от социологов его переосмысления с позиции прослеживания «ассоциаций» в природе. Предложенная автором «социология ассоциаций» относится к получившей в недавнее время известность акторно-сетевой теории. Данная книга является важным введением в акторно-сетевую теорию и даёт возможность ознакомиться с идеями одного из самых влиятельных её сторонников.

Журнал публикует введение к книге Б. Латура — «Как вернуться к задаче прослеживания ассоциаций» («How to Resume the Task of Tracing Associations»), где обозначены основные отличия «социологии ассоциаций» от «социологии социального». Кроме прочего, в этой части книги перечислены ключевые задачи новой методологии, а также указаны её теоретические источники, наиболее значительный из которых — социология Габриэля Тарда.

Ключевые слова: социальная теория; общество; ассоциации; акторно-сетевая теория; Габриэль Тард.

Введение. Как вернуться к задаче прослеживания ассоциаций²

Основную мысль этой книги можно сформулировать очень просто: социологи, относя прилагательное «социальный» к тому или иному феномену, обозначают им некое стабилизированное состояние, комплекс связей, который потом может использоваться и для описания какого-то другого феномена. В таком употреблении этого слова нет ничего плохого, пока оно обозначает

¹ Латур Б. 2013 (готовится к изданию). *Восстановление социального. Введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом ВШЭ (серия «Социальная теория»). *Источник:* Latour B. 2005. *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory*. New York: Oxford University Press. — *Примеч. ред.*

² Эту несколько сухую книгу можно читать параллельно с намного более лёгкой — «Paris ville invisible» («Париж: невидимый город») [Latour, Hermant 1998], где сделана попытка пройти почти тот же путь с помощью серии фотоописаний. Текст книги на английском языке — «Paris: Invisible City» («Париж: невидимый город») — доступен на сайте Бруно Латура; см.: URL <http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/downloads/PARIS-INVISIBLE-GB.pdf>

то, что *уже* собрано в ансамбль, не подталкивая нас к поверхностному выводу о *сущности* собранного. Однако когда под социальным начинают понимать разновидность материала и пользоваться термином как прилагательным примерно того же ряда, что и «деревянный», «стальной», «биологический», «экономический», «ментальный», «организационный» или «лингвистический», возникают проблемы, и значение термина рассыпается, поскольку он уже обозначает два совершенно разных явления: во-первых, сам процесс «сборки», а во-вторых, особый тип компонента, который должен отличаться от других материалов.

В этой работе я намерен показать, почему социальное не может мыслиться как разновидность материала или некая сфера, и подвергнуть сомнению сам проект социального объяснения какого-либо иного феномена. Хотя подобный ранний проект был в прошлом продуктивен и, вероятно, необходим, теперь это в значительной мере не так, и отчасти благодаря прогрессу социальных наук. В теперешнем состоянии их развития уже невозможно провести инвентаризацию всех компонентов сферы социального. Моя задача — переопределить само понятие «социальное», вернувшись к его первоначальному значению, с тем, чтобы вновь сделать его пригодным для прослеживания связей (*connections*). Тогда станет возможным продолжить движение к традиционной цели социальных наук, но с помощью средств, более соответствующих этой задаче. Прделав обширную работу по «пересборке» природы, мы должны более тщательно разобраться в том, что именно «собрано» под сенью общества. С моей точки зрения, это единственный способ сохранить верность старым обязательствам социологии как «науки жить сообща»³.

Подобный проект влечёт за собой, однако, и переосмысление того, что обычно понимают под этой дисциплиной. В переводе (и с латыни, и с греческого) «социология» — это «наука о социальном», что было бы отличным выражением, если бы не два слабых места — слово «социальное» и слово «наука». Достоинства, которые мы сегодня с готовностью приписываем научным и техническим инициативам, имеют мало общего с тем, что имели в виду основатели социальных наук, создавая свои дисциплины. В разгар модернизации востребованность науки была настолько велика, что она могла расширять свою область до бесконечности и без всяких опасений замедления развития. Никто не понимал, что расширение значения слова «социология» может привести к распространению его употребления почти на всю остальную сферу социальных отношений. Не менее радикальная трансформация произошла и с тем, что понималось под словом «общество», в значительной мере благодаря тому же самому распространению науки и технологий. И уже непонятно, существовали ли вообще отношения достаточно специфичные, чтобы называться социальными, которые можно было бы объединить в особую сферу, способную функционировать как общество. Похоже, что социальное в разбавленном виде есть всюду, а в чистом — нигде. Таким образом, ни наука, ни общество не остались достаточно неизменными, чтобы выполнить обещания строгой социологии.

Несмотря на эту двойную метаморфозу, несколько социологов пришли к радикальному выводу о том, что необходимо соответственно изменить и объект, и методологию социальных наук. После многих разочарований они всё ещё надеются в один прекрасный день достигнуть «земли обетованной» — истинной науки о реальном социальном мире. Никому из исследователей эти болезненные сомнения не знакомы лучше, чем тем, кто, подобно мне, долгие годы на практике воплощал оксюморон «социология науки». В силу множества парадоксов, порождаемых этой живой, но в немалой степени перевёрнутой с ног на голову подобластью знания, и многочисленных изменений в значении слова «наука», мне

³ Это выражение объясняется в кн.: [Thévenot 2004]. Данный логический порядок — ансамбли общества вслед за ансамблями природы — точная противоположность тому, в котором я пришёл к мысли о нём. Пара моих книг (см.: [Latour 1999b; 2004]) были написаны спустя много времени после того, как мои коллеги и я разработали альтернативную социальную теорию, предназначенную для объяснения новых загадок, обнаруженных после проведённых нами эмпирических исследований в сфере науки и технологии.

думается, настало время изменить и то, что понимается под социальным. Таким образом, мне хочется создать альтернативное понимание социологии, которое позволило бы ей сохранить это общепринятое название и в то же время остаться, надеюсь, верной своему традиционному призванию.

Что такое общество? Что значит социальное? Почему о некоторых видах деятельности говорят, что они имеют «социальное измерение»? Как можно показать присутствие социальных факторов в действии? Когда изучение общества или иных социальных образований достоверно? Как можно изменить путь развития общества? В ответах на эти вопросы можно придерживаться двух совершенно разных подходов. Один из них стал общепринятым, а второй и есть предмет настоящей работы.

Первый из подходов состоит в постулировании существования особого вида феноменов, называемых по-разному — «обществом», «социальным порядком», «социальной практикой», «социальным измерением» или «социальной структурой». Для XX столетия, на протяжении которого и разрабатывались социальные теории, важно было дифференцировать эту сферу реальности от других, таких как экономика, география, биология, психология, право, наука и политика. О каком-либо явлении говорилось, что оно «социальное» или «присуще обществу», когда его можно было определить как обладающее особыми качествами, отчасти негативными (то есть оно не должно было быть *чисто* биологическим, лингвистическим, экономическим, естественно-научным), отчасти позитивными (то есть должно было реализовываться, укреплять, отражать, поддерживать, воспроизводить или низвергать социальный порядок). Как только эта сфера была очерчена, пусть даже и нечётко, ею можно было пользоваться для объяснения специфически социальных явлений (объясняя социальное социальным) и для выработки специфического объяснения того, что невозможно было объяснить в других сферах (обращаясь к социальным факторам, можно было объяснять социальные аспекты несоциальных явлений).

К примеру: хотя право имеет собственную силу, и это общепризнанно, некоторые его аспекты были бы понятнее, если бы к нему добавилось некое социальное измерение; несмотря на то что экономические силы подчиняются собственной логике, существуют и социальные элементы, которыми можно объяснить отклоняющееся поведение расчётливых агентов; хотя психология развивается в соответствии со своей внутренней логикой, о некоторых её самых таинственных аспектах можно сказать, что они связаны с социальным влиянием; хотя у науки есть собственный импульс развития, некоторые направления её поиска с необходимостью сдерживаются социальной ограниченностью учёных, погружённых в социальный контекст своего времени; хотя искусство в значительной мере свободно, оно тоже испытывает влияние социальных и политических соображений, которыми можно объяснить кое-что в самых известных шедеврах; и хотя наука управления подчиняется собственным законам, тоже, возможно, нелишне было бы учитывать социальные, культурные и политические аспекты, которыми объяснялось бы, почему некоторые здравые организационные принципы никогда не применяются на практике.

Можно легко найти и множество других примеров, поскольку эта версия социальной теории стала «позицией по умолчанию» нашего запрограммированного мышления, которое исходит из следующего: существует некий социальный контекст, в который включены несоциальные виды деятельности. Это особая сфера реальности, и её можно использовать как особый тип причинно-следственной связи для объяснения остаточных аспектов, которые нельзя целиком отнести к другим областям знания (психология, право, экономика и т. д.); её изучают учёные-специалисты, называемые социологами или *социологами*, где за *X* зарезервировано место для иных дисциплин. Поскольку рядовые агенты всегда находятся *внутри* социального мира, а он их объемлет, они могут быть в лучшем случае информантами об этом мире, а в худшем — слепы к его существованию, и влияние социального мира во всей полноте видно лишь натренированному глазу учёного-социолога. Не важно, насколько трудно вести такие исследования. Социологи могут уподобиться в своих достижениях представителям естественных наук, потому что объективны настолько же, насколько и учёные иных специальностей, благодаря исполь-

зованию количественного инструментария. Если же применение количественного инструментария невозможно, то следует измыслить альтернативные методы, принимающие во внимание «человеческие», «интенциональные» или «герменевтические» аспекты своих областей, оставаясь при этом в рамках научного этоса. Порой социологов просят дать экспертные рекомендации по социальной инженерии или сопровождению социальных изменений, и в результате таких исследований может достигаться политическая релевантность, но только после того, как будут накоплены достаточные знания.

Упомянутая «позиция по умолчанию» стала частью здравого смысла не только самих социологов, но и рядовых акторов, распространяясь через газеты, образование в колледжах, партийную политику, беседы в баре, любовные истории, журналы мод и т. д.⁴ Социальные науки поставляют своё определение общества столь же исправно, как обслуживающие компании поставляют электричество и телефонные услуги. Давать комментарии, касающиеся непрямого социального измерения всего, что мы и другие делаем в обществе, стало для нас таким же обычным делом, как пользоваться мобильным телефоном, заказывать пиво или обсуждать эдипов комплекс (по крайней мере, если речь идёт о развитом мире).

Второй подход не принимает как данность основное положение первого. Он утверждает, что в социальном порядке нет ничего присущего только ему, нет никакого социального измерения, никакого социального контекста, никакой отдельной сферы реальности, которой можно было бы навесить ярлык «социальное» или «общество». Нет также никакой социальной силы, «объясняющей» резидуальные характеристики, недоступные объяснению в других сферах. Члены общества очень хорошо знают, что делают, даже если не проговаривают этого к удовлетворению наблюдателей, и акторы никогда не растворяются в социальном контексте, а потому они всегда нечто гораздо большее, чем простые информанты. Следовательно, нет никакого смысла в добавлении социальных факторов в другие научные специальности. Политическая же релевантность, достигаемая с помощью науки об обществе, желательна не всегда, и общество, вовсе не будучи обрамляющим всё контекстом, должно, скорее, мыслиться как один из множества связующих элементов, циркулирующих внутри тонких каналов.

Это второе направление мысли могло бы использовать — с определённой долей вызова — в качестве лозунга знаменитое изречение М. Тэтчер (прозвучавшее, впрочем, совершенно по иному поводу): «Нет такой *вещи*, как общество...». Но если два эти направления столь отличны, то как могут они оба претендовать на то, чтобы быть наукой о социальном, и надеяться носить одно и то же название — «социология»? На первый взгляд они должны быть попросту несовместимы, поскольку второй подход полагает главной требующей разрешения загадкой именно то, что первый считает своим выводом, а именно существование особых социальных связей, в которых проявляется скрытое присутствие особых социальных сил. И согласно этой альтернативной точке зрения, социальное — не скрепляющий состав, способный соединять что угодно, включая и то, что не под силу другим составам; это как раз то, что склеивается воедино множеством *других* типов соединителей. В то время как социологи (или социоэкономисты, социолингвисты, социальные психологи и т. д.) принимают социальные объединения как данность, с помощью которой можно объяснить резидуальные аспекты экономики, лингвистики, психологии, менеджмента и т. д., эти другие исследователи, напротив, рассматривают социальные агрегаты как то, что необходимо объяснять специфическими *ассоциациями*, описываемыми экономикой, лингвистикой, психологией, правом, менеджментом и т. д.⁵

⁴ Диффузия самого слова «актор», которое я пока оставлю неясным (см. раздел «Актора заставляет действовать множество других» в главе «Второй источник неопределённости: действие отчуждается»), — одно из многих проявлений этого влияния.

⁵ Я буду пользоваться выражением «общество или другие социальные агрегаты», чтобы охватить весь диапазон предлагаемых решений, касающихся того, что я ниже называю «первым источником неопределённости», связанным с природой социальных групп. Я не имею здесь в виду именно холистские трактовки, поскольку, как мы увидим, всё сказанное применимо и к «индивидуалистским» или «биологическим» концепциям; см. главу «Первый источник неопределённости: групп нет — есть только группообразования».

Но если вспомнить этимологию слова «социальное», то сходство между этими двумя подходами окажется куда большим, чем можно предположить. Пускай большинство социологов предпочли бы называть социальным нечто гомогенное, вполне допустимо обозначать тем же словом некий след *ассоциаций* между гетерогенными элементами. Поскольку в обоих случаях используется одно и то же слово, происходящее от латинского *socius*, то можно сохранить приверженность изначальным интуициям социальных наук, определив социологию иначе, не как науку о социальном, а как *отслеживание ассоциаций*. В таком понимании прилагательное «социальное» обозначает не *вещь среди других вещей*, вроде чёрной овцы, затесавшейся среди белых, а *тип связи* между явлениями, которые сами по себе не социальны.

На первый взгляд такое понимание выглядит абсурдным, поскольку рискует уничтожить социологию, сведя это понятие к обозначению любого типа объединения — от химических связей до уз закона, от атомных сил до корпораций, от физиологических альянсов до политических. Но дело именно в том, что альтернативная ветвь социальной теории стремится *дать возможность* заново соединить разнородные элементы в каком-то определённом порядке. Это вовсе не сомнительная и головоломная гипотеза, а, напротив, самая обычная практика при встрече с таинственным ликом социального. В продажу поступила новая вакцина, предлагается новая работа, создаётся новое политическое движение, открыта новая планетная система, принят новый закон, случилась новая катастрофа... На каждом шагу нам приходится перетряхивать свои представления о том, что было связано воедино, потому что прежнее определение стало нерелевантным. Мы уже не уверены в том, что такое «мы»; нам кажется, что нас соединяют некие узы, не похожие на привычные социальные отношения.

Вечно сужающееся значение социального

В последовательных изменениях корневой группы слов, к которой относится понятие «социальное», просматривается чёткая этимологическая тенденция [Strum, Latour 1987]. Она направлена от наиболее общего к наиболее поверхностному. Кроме того, этимология слова «социальное» ещё и поучительна. Корень слова — *seq-, sequi*, и его первоначальное значение — «следовать». Латинское слово *socius* означает «спутник», «товарищ». История слова «социальное», если судить о ней по развитию значений слова в различных языках, показывает такую эволюцию смыслов: «следовать за кем-то», затем — «объединяться» и, наконец, «иметь что-то общее». Следующее значение слова «социальное» — иметь долю в коммерческом предприятии. «Социальное» в смысле «общественного договора» — изобретение Руссо⁶. Фигурирование в словосочетаниях «социальные проблемы», «социальный вопрос» — новация, относящаяся к XIX веку. Похожие слова — «общительный» (*sociable*) — относятся к навыкам, позволяющим индивидам вежливо себя вести в обществе. Как можно видеть по биографии слова, с течением времени его значение сужается. Начав с понимания, распространяющегося на все виды связей, теперь мы в обыденном словоупотреблении ограничиваем значение этого слова тем, что осталось после того, как политика, биология, экономика, право, менеджмент, технология и т. п. забрали свои доли связей. Из-за постоянного сужения значения слова (общественный договор, социальный вопрос, социальные работники) мы склонны ограничивать «социальное» человеческим миром и обществами модерна, забывая о том, что сфера социального гораздо шире. Альфонс Декандоль первым создал наукометрию — использование статистических методов для оценки научной деятельности и, как и его отец, занимался социологией растений [Candolle 1987]. Он рассматривал кораллы, бабуинов, деревья, пчёл, муравьёв и китов тоже как «социальные существа». Такое расширенное понимание социального вполне признавала социобиология [Wilson 1975]. К сожалению, это начинание только утвердило социологов в их худших опасениях относительно расширения понимания социального. Однако вполне возможно сохранить это расширение, не отнимая у организмов свойств «агентности» (как это делается в большинстве социобиологических панорам).

Иначе говоря, общий проект того, что нам делать вместе, оказался под вопросом. Наступил кризис самого чувства принадлежности к целому. Но для того, чтобы дать себе отчёт в этом ощущении кризиса и установить новые отношения, нужно другое представление о социальном. Оно должно быть *гораздо шире* того, что обычно именуют этим словом, но *строго ограниченным*: только отслеживание новых ассоциаций и выстраивание их в ансамбли. Вот почему я намереваюсь определить социальное не как

⁶ Сочинение Ж.-Ж. Руссо называлось «Contrat social» («Общественный договор»); 1762 г. — *Примеч. ред.*

особую сферу, особую область или вещь особого рода, а лишь как своеобразный процесс реассоциации и восстановления ансамблей.

С такой точки зрения, право, к примеру, не должно рассматриваться как то, что следует объяснять — в дополнение к его собственной логике — «социальной структурой». Напротив, его внутренняя логика может прояснить кое-что о том, что заставляет ту или иную связь существовать дольше и распространяться шире. Что бы мы знали о помещении проблемы в «более широкий контекст», если бы не способность правовых прецедентов устанавливать связь между частным случаем и всеобщим законом?⁷ Науку с её объективностью не следует заключать в «социальные рамки», очерченные «социальными силами», поскольку её объекты сами вырываются из любого заданного контекста, когда в исследовательских лабораториях вступают в непредсказуемые связи чуждые друг другу элементы. Заражённые вирусом атипичной пневмонии с огорчением узнают, что не могут больше в прежних формах поддерживать «связь» с родителями и партнёрами из-за мутации микроскопического создания, существование которого было открыто благодаря повсеместной институционализации эпидемиологии и вирусологии⁸. Религию не следует «объяснять» социальными силами, поскольку по самому своему определению и, более того, по самому своему названию она соединяет сущности, не являющиеся частью социального порядка. Со времён Антигоны каждому известно, что значит поступать по велению богов: их воля превыше воли политиков вроде Креонта. Организации не нужно помещать в «более широкий социальный контекст», поскольку они сами демонстрируют весьма практическое понимание того, что означает быть включённым в более широкую конъюнктуру. Наконец, какой пассажир в аэропорту знал бы, куда заходить, если бы постоянно озабоченно не взглядывал на номер, отпечатанный на посадочном талоне и обведённый красным ручкой служащего авиакомпании? Возможно, не имеет смысла искать под поверхностной болтовнёй политиков действие «таинственных скрытых сил общества», поскольку без этих самых речей потерялась бы львиная доля того, что мы понимаем под выражением «быть частью группы». Без противоречащих друг другу версий воюющих сторон в Ираке кто в «оккупированном» или «освобождённом» Багдаде знал бы, как отличить друга от врага?

И это верно в отношении всех других сфер⁹. В то время как в рамках первого подхода любая деятельность — право, наука, технология, религия, организация, политика, менеджмент и т. д. — может быть связана с одними и теми же социальными структурами, которые *за всеми ними* стоят, и объясняться этими же структурами, согласно второй версии социологии за ними нет *ничего*, кроме них самих, хотя их взаимосвязь порой и порождает *общество* (а порой — нет). В этом основное расхождение между нашими двумя версиями. «Быть социальным» — это уже не безобидное и непроблематическое свойство, а процесс, который может и не привести к установлению новой связи и к построению заново какого-либо *оформленного ансамбля*. Как мы постепенно выясним на протяжении этой книги, то, что принято называть «социальное объяснение», послужив с пользой ранее, стало контрпродуктивной линией, ведущей к *прерыванию* движения ассоциаций, а не к его продолжению.

Согласно второму подходу, сторонники первого просто перепутали то, что нужно объяснять, с самим объяснением. Они начинают с общества или иных социальных объединений, в то время как ими нужно заканчивать; считают, что социальное целиком состоит из социальных отношений, тогда как ассоциации состоят из таких связей, которые сами по себе несоциальны. Они вообразили, будто социология ограничивается конкретной сферой, тогда как социологи должны проникать всюду, где бы ни созда-

⁷ См.: [Ewick, Silbey 1998]; см. также текст Сьюзан Силби (Susan Silbey) в кн.: [Latour, Weibel 2005].

⁸ Хотя исследования научной практики дали главный импульс разработке этого альтернативного понимания социального, оно будет рассматриваться позже — лишь при описании четвёртой неопределённости; см.: главу «Четвёртый источник неопределённости: реалии фактические — или реалии дискуссионные».

⁹ Только в части II этой книги будет показано, как переформулировать противостояние двух версий более деликатным образом, чем инверсия причины и следствия (см.: [Latour 2005: 238]).

вались новые гетерогенные ассоциации. Они уверены: социальное всегда к их услугам, тогда как социальное — это не то, что можно видеть или постулировать. Оно заметно только по *следам*, которые оставляет, когда возникает *новая* ассоциация между элементами, самими по себе совсем не социальными. Сторонники первого подхода утверждают, что нас уже сейчас удерживает вместе сила некоего общества, тогда как наше политическое будущее кроется в решении задачи, что же именно соединяет нас вместе. Короче говоря, второе направление претендует на *продолжение* работы по увязыванию и собиранию, которая была резко прервана первым. Именно для того, чтобы помочь заинтересованным исследователям в *пересборке* социального, и написана эта книга.

По ходу изложения мы научимся отличать стандартную социологию социального от её более радикальной разновидности, которую я буду называть *критической социологией*¹⁰. Последняя определяется следующими тремя признаками и: (1) не *ограничивается* социальным, подменяя любой объект изучения чем-то иным, сделанным *из* социальных отношений; (2) утверждает, что эта подмена непереносима для социальных акторов, которым *необходимо* жить в иллюзии, будто существует нечто «другое», кроме социального; (3) наконец, полагает, что возражения акторов против их социальных теорий — лучшее *доказательство* того, что эти теории верны.

Для ясности я буду называть первый подход «социология социального», а второй — «социология ассоциаций» (хотелось бы — «ассоциология»). Я понимаю, что это очень несправедливо по отношению ко множеству тонких оттенков социальных наук, которые я тем самым смешал, но это допустимо для предисловия, где приходится быть очень точным в отношении выбранных для описания неизвестных идей, но допустим небрежный набросок хорошо знакомой местности. Меня можно простить за эту небрежность, ведь есть много блестящих введений в «социологию социального», но, насколько мне известно, нет ни одного введения в этот маленький подвид социальной теории¹¹, который называется... Кстати, как бы его назвать? Увы, но его историческое название — «акторно-сетевая теория» (АСТ) — такое неуклюжее, такое путаное, такое бессмысленное, что заслуживает того, чтобы его придерживаться. Если автор, к примеру, путеводителя волен давать новые комментарии по поводу страны, которую выбрал для ознакомительного описания, он конечно же не волен менять её общепринятое название, поскольку самый понятный опознавательный знак и есть лучший; в конце концов, происхождение слова «Америка» даже ещё более неуклюже. Я уже был готов отбросить это название, сменив его на что-нибудь более сложное вроде «социологии трансляции», «актанто-ризомной онтологии», «социологии инновации» и т. п., пока мне не подсказали, что акроним АСТ (ANT) абсолютно подходит для обозначения подслеповатого, близорукого, страдающего трудоголизмом, ищущего след по запаху коллективного путешественника. Муравей (*ant*), пищащий для других муравьёв¹², — это как нельзя лучше подходит для моего проекта!¹³ В идеале слово «социология» подошло бы лучше всего, но им нельзя пользоваться, пока обе его составные части — понятия «социальное» и «наука» — не будут как-то отлажены. В этой книге я буду пользоваться словом «социология» чем дальше, тем чаще, хотя и оставляя выражение «социология социального» для обозначения репертуара, которым чересчур охотно, по-моему, ограничиваются другие социологи.

¹⁰ О различии между критической социологией и социологией критики см. прежде всего: [Boltanski 1990]; см. также: [Boltanski, Thevenot 1999; 2006]. Если я сочту необходимым установить преемственность с социологией социального, мне придётся вступить в более серьёзную конфронтацию с критической социологией и её «иллюзией иллюзии».

¹¹ Недавнее руководство представлено в кн.: [Law 2004]; см. также: [Latour 1996; Barry 2001; Mol 2003].

¹² Игра слов: англ. *ANT* (*actor-network theory*) и *ant* (муравей). — *Примеч. ред.*

¹³ Я вынужден извиниться за то, что занимаю позицию, полностью противоположную той, которая представлена в кн.: [Latour 1999a]. В то время я критиковал все элементы этого чудовищного названия, включая дефис, теперь же я буду отстаивать их все, в том числе и дефис!

Как ориентироваться в литературе под рубрикой «Акторно-сетевая теория»

Большую часть относящейся к теме библиографии можно найти на прекрасном сайте «The Actor-Network Resource», поддерживаемом Джоном Ло¹⁴. Истоки этого подхода можно найти в потребности в новой социальной теории, согласованной с исследованиями науки и технологий (Science and Technology Studies, STS) [Callon, Latour 1981]. Но началом его можно считать появление трёх «документов»: [Callon 1986; Law 1986; Latour 1988b]. Именно в этих работах «не человеки» — микробы, раковины, камни и корабли — по-новому предстали перед социальной теорией. Как я расскажу далее, когда речь пойдёт о четвёртой неопределённости¹⁵, впервые для меня объекты науки и технологии стали, так сказать, социально совместимыми. Философское обоснование этой идеи было представлено во второй части книги «Пастеризация Франции» [Latour 1988a], хотя и в форме, делающей затруднительным его понимание.

С тех пор идея развивалась во многих направлениях, анализировалась и критиковалась во множестве статей, отмеченных на сайте Ло. И хотя не существует чёткого теста-индикатора принадлежности к АСТ, несколько таких тестов — *ad hoc* и на скорую руку — можно придумать. Нечего и говорить о том, что данная интерпретация АСТ отражает только моё видение. Эта книга не претендует на более полную коллективную репрезентацию, а лишь только на более систематичную. Приведу тесты, которые я нахожу самыми показательными. Один из них — конкретная роль, отводимая «не человекам». Они должны быть акторами (см. определение в разделе «Типов действующих акторов должно стать больше» главы «Третий источник неопределённости: объекты тоже обладают агентностью»), а не просто жалкими носителями символической проекции. Но эта активность не должна быть агентностью того типа, который до сих пор ассоциируется с фактами или природными объектами. Так что если какое-нибудь исследование базируется либо на символическом, либо на натуралистическом типе причинно-следственной связи, нет основания включать его в АСТ, даже в случае, когда оно на это претендует. И наоборот, любое исследование, приписывающее «не человекам» более открытый тип агентности, нежели традиционная природная каузальность, и более действенный, чем символическая, может относиться к АСТ, и даже несмотря на то, что кое-кому из авторов не хотелось бы каким-либо образом ассоциироваться с этим подходом. Например, одна биологическая работа (см.: [Kupiec, Sonigo 2000]) могла бы принадлежать к АСТ потому, что в ней приписывается новая активная роль гену.

Ещё один тест заключается в том, чтобы выяснить, в каком направлении идёт исследование. Совпадает ли в итоге перечень того, что включается в сферу социального, всё с тем же ограниченным набором, используемым для объяснения (и исключения) большинства элементов? Если понимание социального остаётся стабильным и используется для описания положения дел, это не АСТ. К примеру, не имеет значения, насколько все мы оказались просвещёнными благодаря теории социального формирования технологии (Social Shaping of Technology) [Bijker 1995], но она не включается в корпус АСТ, поскольку в ней социальное остаётся неизменным от начала до конца работы и им объясняется траектория изменения технологии. Однако работа Макнила [McNeill 1976], хотя он никоим образом не автор из категории АСТ, заслуживала бы включения, поскольку у него то, что вступает в ассоциации, модифицируется в описание того, что должно «соединяться» — в список включены крысы, вирусы и микробы. В этом смысле работа историка У. Кронона — определённо шедевр АСТ, так как в ней для объяснения прогрессивной организации пространства столицы не привлекается никакая скрытая социальная сила [Cronon 1991]. То же самое верно и в отношении работы Э. Хатчинса по распределённому мышлению [Hutchins 1995]. Большая часть истории науки и технологии поэтому обладает значимостью для нашей программы, и социология искусства является нашим постоянным союзником, особенно благодаря влиянию А. Энниона [Hennion 1993].

Третий и ещё более сложный тест мог бы заключаться в выяснении того, направлено ли исследование на реконструкцию социального или по-прежнему настаивает на его расщеплении и деконструкции. АСТ ошибочно отождествляют с постмодернистской усиленной критикой «метанарративов»¹⁶ и «евроцентристской» или «гегемонистской» установки. Однако это большое заблуждение. Дисперсия, деструкция и деконструкция — не цели для достижения, а то, что нужно преодолевать. Гораздо важнее выяснить, какие новые институты, процедуры и концепты могут собрать и воссоединить социальное [Callon, Lascoumes, Barthe 2001; Latour 2004].

¹⁴ См. URL: <http://www.lancs.ac.uk/fass/centres/css/ant/antres.htm>

¹⁵ В четвёртой главе «Четвёртый источник неопределённости: реалии фактические — или реалии дискуссионные» автор подчёркивает опасность критической социологии, кроющуюся в отсутствии сомнений по поводу правоты её научных объяснений. — *Примеч. ред.*

¹⁶ Часто: «великие повествования». Философ и теоретик литературы Жан-Франсуа Лиотар (Jean-François Lyotard; 1924–1998) определял постмодерн как кризис метасценариев (великих проектов) и выступал с критикой крупномасштабных философских доктрин и теорий. — *Примеч. ред.*

В большинстве случаев обращение к «социологии социального» не только приемлемо, но и необходимо, поскольку она предлагает удобный краткий код для обозначения всех компонентов, уже *принятых* в коллективном пространстве. Было бы глупым педантизмом воздерживаться от употребления понятий типа «IBM», «Франция», «культура маори», «восходящая мобильность», «тоталитаризм», «социализация», «нижний слой среднего класса», «политический контекст», «социальный капитал», «сокращение», «социальное конструирование», «индивидуальный агент», «бессознательные побуждения» и т. д. Но в ситуациях, когда во множестве возникают инновации, границы между группами становятся неопределёнными, диапазон приемлемого колеблется, «социологии социального» уже не под силу проследивать новые ассоциации акторов. И тогда последним делом было бы заранее ограничить форму, размеры, степень разнородности и сочетаемость ассоциаций. Приходится заменять удобные сокращения социального сложным и затратным полномасштабным исследованием ассоциаций. Соответственно изменяются и задачи социологов: уже недостаточно предоставить акторам всего лишь роль информантов о ситуациях хорошо известных типов. Им следует вернуть способность строить свои теории о том, из чего состоит социальное. Задача заключается уже не в том, чтобы навязывать тот или иной порядок, ограничивать диапазон допустимого, объяснять акторам, кто они такие, или вносить долю рефлексивности в их слепые действия. Следуя девизу АСТ, нужно «идти за самими акторами», то есть пытаться понять их зачастую безумные инновации, чтобы из них узнать, чем становится в руках акторов коллективное существование, какими способами они делают его более или менее приемлемым для всех, какие теории могли бы лучше всего описать те новые ассоциации, которые им приходится устанавливать. И если «социология социального» прекрасно справляется с тем, что уже *«собрано»*, ей далеко не так хорошо удаётся объединять участников заново в то, что не является — ещё не стало — социальным.

Более радикальная модель соотношения обоих направлений — это заимствованная из истории физики несколько искусственная параллель, в соответствии с которой можно сказать, что «социология социального» остаётся *«дорелятивистской»*, тогда как наша социология — всецело «релятивистская». В самых ординарных случаях (к примеру, в ситуациях, когда изменения происходят медленно) дорелятивистская парадигма вполне приемлема, и любая фиксированная система координат способна регистрировать действие без чрезмерных деформаций. Но как только процесс ускоряется, инновации разрастаются и реалии множатся, тот, кто придерживается абсолютистской системы, безнадежно запутывается. Именно тогда и следует разрабатывать релятивистский подход, чтобы быть в состоянии перемещаться из одной системы координат в другую и установить соизмеримость между следами, оставленными системами, движущимися с очень разной скоростью и ускорением. Поскольку теория относительности является общеизвестным примером масштабной перестройки нашего мыслительного аппарата, вызванной потребностью ответа на фундаментальные вопросы, её можно использовать как удачную аналогию для иллюстрации способов, с помощью которых «социология ассоциаций» переворачивает и расширяет «социологию социального».

Дальше для меня важны не опровержения, то есть доказательства того, что другие социальные теории ложны, а предложения. Как далеко можно продвинуться, отклонившись от общепринятой гипотезы, что существование социальной сферы даёт социальным наукам легитимную систему координат?¹⁷ Если физики в начале прошлого века оказались в состоянии отвергнуть общепринятую теорию абсолютно неизменного и бесконечно пластичного эфира, смогут ли социологи открыть новые возможности продвижения, отбросив идею социальной субстанции как «ненужную гипотезу»? Это настолько

¹⁷ Если моя оценка «социологии социального» выглядит слишком резкой и я на самом деле несносен по отношению к критической социологии, то это до поры до времени. В своё время мы научимся находить то, что есть верного в первоначальных интуициях представителей «социологии социального». Если ключевое понятие «стандарты» (Часть II, глава «Шаг третий: соединяем площадки», раздел «От стандартов к собирающим формулировкам») представляет нам возможность воздать должное «социологии социального», то критической социологии придётся подождать, и боюсь, что до «Заключения», когда мы примемся за проблему политической релевантности.

маргинальная позиция, у неё так мало шансов на успех, что я не вижу никаких оснований быть беспристрастным и щепетильным по отношению к совершенно разумным альтернативам, которые вполне могли бы разбить её вдребезги. Так что я буду настойчив, а зачастую пристрастен, чтобы ясно показать контраст между этими двумя позициями. Зато для компенсации такой несправедливости я постараюсь быть по возможности последовательным и дойти до самых нетрадиционных выводов из той позиции, которую выбрал для эксперимента. Мой тест заключается в том, чтобы посмотреть, сколько новых проблем может быть извлечено на свет, если неуклонно, даже слепо, следовать всем обязательствам, к выполнению которых вынуждает нас эта новая отправная точка. Окончательная же проверка заключается в том, чтобы к концу книги выяснить, в состоянии ли «социология ассоциаций» принять эстафету у «социологии социального», прослеживая различные типы новых и более активных связей, и сможет ли она унаследовать всё, что было легитимного в притязаниях науки о социальном. Как всегда, о результатах — была ли проверка пройдена успешно или нет — судить читателю.

Для любителей возводить научную дисциплину к какому-нибудь почитаемому основоположнику стоит подчеркнуть, что такая дистинкция между двумя разными пониманиями обязательств социальной науки вовсе не нова. Она присутствовала уже в самом начале существования этой дисциплины (по крайней мере, во Франции), в давней дискуссии между старшим по возрасту Габриэлем Тардом и Эмилем Дюркгеймом, победителем¹⁸. Тард всегда сокрушался, что Дюркгейм отказывается от задачи объяснения общества, путая причину и следствие и подменяя изучение социальной связи политическим проектом, направленным на социальную инженерию. В противоположность своему младшему оппоненту он настойчиво утверждал, что социальное — это не особая сфера реальности, а принцип отношений; нет причины выделять социальное среди других ассоциаций (таких, как биологические организмы или даже атомы); становление социальной науки вовсе не требует разрыва с философией, особенно с метафизикой; на самом деле социология — что-то вроде интер-психологии¹⁹; изучение инноваций, в частности, науки и технологии, является сферой развития социальной теории; и экономика должна быть преобразована сверху донизу, а не использоваться как туманная метафора, описывающая расчёт интересов. Наконец, Тард рассматривал социальное как циркулирующий поток, отслеживать который надо новыми методами, а не как специфический тип организма. Нам нет необходимости принимать все особенности позиции Тарда, а их много, но в галерее портретов выдающихся основоположников он — наряду с Гарольдом Гарфинкелем — один из тех очень немногих, кто считает, что социология может быть наукой, которая объясняет, на чем держится общество, а не использует это понятие как средство для объяснения чего-то другого или подспорье для решения политических проблем эпохи.

Тард потерпел полное поражение от «социологов социального» — до такой степени, что на целое столетие оказался вытесненным в призрачное существование. Однако это не доказывает, что он неправ. А наша книга в связи с этим становится даже более необходимой. Я убеждён, что если бы социология больше унаследовала от Тарда (не говоря уже о Конте, Спенсере, Дюркгейме и Вебере), она была бы более релевантной дисциплиной. И до сих пор (мы увидим это к концу книги) у неё есть для этого ресурсы. Обе традиции легко можно примирить: вторая из них — просто возвращение к задаче, которую первая слишком быстро посчитала решённой. Факторы, в прошлом объединённые под рубрикой «социальная сфера», — это всего лишь элементы, которые в будущем предстоит собрать в то, что я назову не обществом, а *коллективом*.

¹⁸ См. единственное обширное введение в социологию Тарда на английском языке: [Tarde 1969]; см. также: [Latour 2002]. В Интернете можно найти английский перевод книги Г. Тарда 1899 г.: [Tarde 2000] — см.: URL: <http://www.moscowbooks.ru/ebooks/en/book.asp?ean=9781447498049>

¹⁹ В противоположность интрапсихологии, о которой Тард почти ничего не говорит; см.: [Tarde 1999].

Габриэль Тард — альтернативный предшественник альтернативной социологии

Габриэль Тард (1843–1904) был судьёй, а затем криминалистом-самоучкой, он стал предшественником А. Бергсона²⁰ в Коллеж де Франс (le Collège de France)²¹.

Несколько цитат дадут нам представление о сильном контрасте между двумя направлениями мысли. Вот тардово определение общества:

Но это значит, что всякая вещь есть общество и все вещи суть общества... И весьма примечательно, что наука, логически следуя своим ранним допущениям, стремится странным образом расширить понятие «общество». Ведётся речь о сообществах клеток. А почему не атомов? Не говоря уже о сообществах звёзд, солнечных систем. Похоже, что все науки обречены стать ветвями социологии [Tarde 1999b: 58].

Самое интересное, что Тард много лет был главой статистического института и всегда доверял и монографиям, и статистическим данным, но не соглашался с Дюркгеймом по поводу того типа количественной социологии, которого надо придерживаться.

Обобщая лейбницево учение о монадах²², но без Бога, проекты Тарда поворачивают вспять связь между микро- и макро:

Во множестве форм, хотя и в уменьшённом масштабе, всегда проявляется одна и та же ошибка: ложная уверенность в том, что увидеть постепенный прогресс регулярности, порядка и логики в социальных феноменах мы можем, только уйдя прочь от деталей, которые по сути своей иррегулярны, и поднявшись достаточно высоко, чтобы достичь панорамного, а потому обобщающего вида; а также в том, что источник и основание всякой социальной координации — это некий общий факт, от которого она постепенно нисходит к частным фактам, при этом всегда теряя в силе. Короче говоря, это ложная уверенность в том, что действует человек, но управляет им закон эволюции. Я придерживаюсь в известном смысле противоположного [Tarde 2000: 75].

Следующая цитата объясняет резкое противостояние Дюркгейму, принадлежавшему к более молодому поколению, чем Тард:

Эта концепция — почти полная противоположность представлениям линейных эволюционистов и г-на Дюркгейма. Вместо того чтобы все объяснять предполагаемым верховенством закона эволюции, заставляющего коллективные феномены бесконечно воспроизводиться и повторяться в определённом порядке, объяснять меньшие факты через большие, а часть через целое, я объясняю коллективные черты сходства целого скоплением воедино единичных элементарных действий, объясняю большее через меньшее, а целое — через часть. Этот способ рассмотрения явлений предназначен для того, чтобы произвести в социологии переворот, аналогичный тому, который в математике произвело введение бесконечно малых величин [Tarde 2000: 35].

Причина того, почему Тард может считаться ранним предшественником АСТ, в том, что всегда лучший пример социальной связи для него — история и социология науки:

Что касается структуры науки (вероятно, самого впечатляющего из человеческих предприятий), то здесь невозможны вопросы. Она строилась при ярком свете истории, и мы можем проследить её развитие почти с самого начала и до наших дней... Всё здесь берёт начало в единичном, не только

²⁰ Анри Бергсон (1859–1941) — один из крупнейших философов XX века, представитель интуитивизма и философии жизни; в 1900–1914 — профессор Коллеж де Франс; член Французской академии с 1914 г., лауреат Нобелевской премии по литературе (1927). — *Примеч. ред.*

²¹ Образован при Франциске I как институт королевских профессоров, с XVII века — Королевский коллеж (Collège royal); современное название носит с 1879 г. Звание профессора Коллежа считается одним из самых высших отличий в области французского высшего образования. — *Примеч. ред.*

²² В основе учения о монадах Г. Лейбница (1646–1716) находится идея о мире, состоящем из множества неделимых, простых, нематериальных и неповторимых субстанций, называемых монадами. Основные положения теории о монадах изложены в трактате: Лейбниц Г. В. 1982 (1714). *Монадология*. В изд.: Лейбниц Г. В. Соч.: В 4 т. М.: Мысль. 1; 413–429. — *Примеч. ред.*

материалы, но и общий конструкт целого, и наброски деталей. Всё, включая и то, чем теперь прониклись все образованные умы и чему учат даже в начальной школе, начиналось как тайна некоего единственного ума, из которого маленький огонёк, слабый и мерцающий, простирает свои лучи, — сначала лишь в узком диапазоне, и, даже в нём встречая множество препятствий, но становясь все ярче по мере своего распространения, он, наконец, превратился в ослепительно яркий свет. Если кажется вполне очевидным, что наука строилась именно так, тогда не менее верно и то, что конструирование любой догмы, правового кодекса, формы правления или экономического режима шло тем же способом. А если и возможно какое-то сомнение в отношении языка и этики, поскольку темнота происхождения и медленность изменения скрывают их от наблюдения на протяжении большей доли их существования, то разве не высока степень вероятности того, что их эволюция шла тем же путём? [Tarde 2000: 84–85].

Реалии, с которыми имеет дело Тард, — не люди, а инновации, кванты изменений, живущие своей собственной жизнью:

Вот почему всякий социальный продукт, имеющий опознаваемые характеристики, будь то товар, стихи, формула, политическая идея, возникшая в какой-то момент где-то в углу мозга, мечты Александра Македонского о завоевании мира, стремится умножить себя в тысячах и миллионах копий всюду, где есть человеческие существа, и никогда не остановится, разве что если его поставит под сомнение какой-нибудь конкурирующий продукт, столь же амбициозный, как и он сам [Tarde 1999b: 96].

С точки зрения АСТ, полезнее всего то, что Тард не заставляет социальную науку рвать с философией или даже с метафизикой:

Существовать — значит отличаться; различие в определённом смысле составляет субстанциальную сторону вещей, то, что в них наиболее общего и что делает их наиболее отличными друг от друга. Нужно исходить из различия и воздерживаться от попыток его объяснить, особенно беря за отправной пункт тождество, как ошибочно поступают столь многие. Ибо тождество — это минимум различия и, следовательно, его тип, и весьма редкий тип, подобно тому, как покой есть тип движения, а окружность — тип эллипса. Исходить из некоего первоначального тождества, значит допускать удивительно неправдоподобное исходное единство, или — иначе — тёмную тайну распада простой единичной сущности вдруг разделившейся на множество других сущностей без всякой на то причины [Tarde 1999b: 73].

Эта книга о том, как применить АСТ к восстановлению социальных отношений, разделена на три части в соответствии с тремя задачами, перечисленными ниже и слитыми «социологией социального» воедино по причинам, которые уже можно не принимать в расчёт:

- как *разблокировать* и *развернуть* всё множество разногласий по поводу ассоциаций, не сводя заранее социальное к особой сфере?
- как сделать полностью прослеживаемыми средства, позволяющие акторам *стабилизировать* эти разногласия?
- каковы те *процедуры*, которые позволяют пересобрать социальное — не в общество, а в коллектив?

В первой части книги будет показано, почему не следует заранее ограничивать категорию существ, населяющих социальный мир. Общественные науки стали слишком робкими, когда речь идёт о раскрытии явной сложности ассоциаций, с которыми они сталкиваются²³. Я докажу, что можно, так сказать, извлекать пользу из разногласий, и научу, как стать настоящими релятивистами, — определённо, это

²³ В этой книге я оставляю в стороне проблему количественной социологии не потому, что больше доверяю качественным данным, но потому, что само понимание «количества» как такового (*quantum*) стоит на повестке дня того направления, которому я намерен следовать.

необходимая подготовка перед рискованной высадкой на новую территорию. Во второй части будет показано, как можно сделать прослеживаемыми социальные связи, описывая уже сделанную работу по стабилизации разногласий, выявленных в первой части. Заимствуя метафору из картографии, я мог бы сказать, что АСТ пытается по возможности *сделать* социальный мир *плоским*, чтобы обеспечить ясную видимость установления всякой новой связи. Наконец, я покажу, почему задача сборки коллектива стоит того, чтобы ею заниматься, но только после того, как мы откажемся от обходного пути через «общество» и «социальное объяснение». Если верно, что понимание общества, предложенное «социологами социального», было прежде всего способом обеспечить гражданское согласие, когда модернизм был на коне²⁴, то какого рода коллективную жизнь и знание должны собрать «социологи ассоциаций», когда прогресс поставлен под сомнение, а задача поиска способов коллективного существования стоит острее, чем когда-либо?

Эта книга чем-то похожа на путеводитель по местности, одновременно и совершенно банальной (это всего лишь социальный мир, к которому мы привыкли), и абсолютно экзотической, поэтому нам надо научиться останавливаться на каждом шагу. Если порядочные учёные не находят достойным сравнение введения в науку с путеводителем, то пусть будут любезны вспомнить, что «куда пойти» и «какие достопримечательности тут надо посмотреть» — всего лишь английский эквивалент того, что обычно называют помпезным греческим словом «метод» или, ещё хуже, «методология». Преимущество подхода путеводителя перед «методологическим дискурсом» в том, что первый нельзя спутать с территорией, которую он всего лишь описывает. Путеводителем можно пользоваться, а можно его забыть, положить в багажник, заляпать жиром и кофе, весь исчеркать, вырвать из него страницы, чтобы развести огонь под барбекю. Короче говоря, путеводитель предлагает, а не навязывает себя читателю. Это не книга на столике в кафе с глянцевыми пейзажами для приезжего, который слишком ленив, чтобы путешествовать. Она предназначена практикам — как пособие, которое поможет им найти нужные ориентиры, *раз уж* они забрели на эту территорию. Для всех прочих, боюсь, она останется совершенно непонятной, ибо социальные связи, которые нужно прослеживать, никогда не будут похожи на те, прослеживать которые их научили.

Литература

- Audren F. (forthcoming). *Les juristes et les sociologies*. PhD thesis. Paris: Paris Sorbonne.
- Barry A. 2001. *Political Machines: Governing a Technological Society*. London: Athlone Press.
- Bijker W. 1995. *Of Bicycles, Bakelities, and Bulbs: Towards a Theory of Sociotechnical Change*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Boltanski L. 1990. *L'amour et la justice comme compétences*. Paris: A.-M. Métailié.
- Boltanski L., Thévenot L. 1999. The Sociology of Critical Capacity. *European Journal of Social Theory*. 2/3: 359–377.
- Boltanski L., Thévenot L. 2006. *On Justification*. Princeton: Princeton University Press (translation of: Boltanski L., Thévenot L. 1991. *De la justification. Les économies de la grandeur*. Paris: Gallimard).

²⁴ Первое употребление слов «социология» и «социальные науки» мы встречаем в известном памфлете 1789 г. «Qu'est ce que le tiers-état?» («Что такое третье сословие?») Эммануэль-Жозефа Сиейса (1748–1836), где они используются для обозначения слияния всех «камеральных наук» в искусстве управления; см.: [Audren forthcoming].

- Callon M. 1986. Some Elements of a Sociology of Translation. Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brioux Bay. In: Law J. (ed.). *Power, Action and Belief. A New Sociology of Knowledge?* Keele: Sociological Review Monograph; 196–229.
- Callon M., Lascoumes P., Barthe Y. 2001. *Agir dans un monde incertain: Essai sur la démocratie technique*. Paris: Le Seuil.
- Callon M., Latour B. 1981. Unscrewing the Big Leviathans: How Do Actors Macro Structure Reality. In: Knorr K., Cicourel A. (eds). *Advances in Social Theory and Methodology: Toward an Integration of Micro and Macro Sociologies*. London: Routledge; 277–303.
- Candolle A. de. 1987 (1873). *Histoire des sciences et des savants depuis deux siècles d'après l'opinion des principales académies ou sociétés scientifiques*. Paris: Fayard, Corpus des Oeuvres de Philosophie.
- Cronon W. 1991. *Nature's Metropolis: Chicago and the Great West*. New York: W. W. Norton.
- Ewick P., Silbey S. S. 1998. *The Common Place of Law*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hennion A. 1993. *La passion musicale: Une sociologie de la médiation*. Paris: A.-M. Métailié.
- Hutchins E. 1995. *Cognition in the Wild*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Kupiec J.-J., Sonigo P. 2000. *Ni Dieu ni gène*. Paris: Le Seuil-Collection Science ouverte.
- Latour B. 1988a. *The Pasteurization of France*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Latour B. 1988b. *The Pasteurization of France*. Cambridge, MA.: Harvard University Press.
- Latour B. 1996. *Aramis or the Love of Technology*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Latour B. 1999a. On Recalling ANT. In: Law J., Hassard J. (eds). *Actor Network and After*. Oxford: Blackwell; 15–25.
- Latour B. 1999b. *Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Latour B. 2002. Gabriel Tarde and the End of the Social. In: Joyce P. (ed.). *The Social in Question: New Bearings in the History and the Social Sciences*. London: Routledge; 117–132.
- Latour B. 2004. *Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy* (trans. Catherine Porter). Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Latour B., Hermant E. 1998. *Paris ville invisible*. Paris: La Découverte-Lés Empêcheurs de penser en rond.
- Latour B., Weibel P. (eds). 2005. *Making Things Public: Atmospheres of Democracy*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Law J. 1986. On the Methods of Long-Distance Control: Vessels, Navigation and the Portuguese Route to India. In: Law J. (ed.). *Power, Action and Belief. A New Sociology of Knowledge?* Keele: Sociological Review Monograph; 234–263.

- Law J. 2004. *After Method: Mess in Social Science Research*. London: Routledge.
- McNeill W. 1976. *Plagues and peoples*. New York: Anchor Press.
- Mol A. 2003. *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice (Science and Cultural Theory)*. Durham, NC: Duke University Press.
- Strum S., Latour B. 1987. The Meanings of Social: from Baboons to Humans. *Information sur les Sciences Sociales: Social Science Information*. 26: 783–802.
- Tarde G. 1902. *Psychologie économique*. Paris: Félix Alcan.
- Tarde G. 1969. *On Communication and Social Influence. Selected Papers* (ed. by Terry N. Clark). Chicago: University of Chicago Press.
- Tarde G. 1999a (1893). *La logique sociale*. Paris: Les Empêcheurs de penser en rond.
- Tarde G. 1999b (1895). *Monadologie et sociologie*. Paris: Les empêcheurs de penser en rond.
- Tarde G. 2000 (1899). *Social Laws: An Outline of Sociology* (trans. Howard C. Warren). Kitchener, Ont.: Batoche Books.
- Tarde G. 1989 (1901). *L'opinion et la foule*. Paris: PUF.
- Thévenot L. 2004. Une science de la vie ensemble dans le monde. *La Revue semestrielle du MAUSS*. 24: 115–126.
- Wilson E. O. 1975. *Sociobiology, the New Synthesis*. Cambridge, MA: Harvard University Press.